

Иван Аксаков

Еще о лженародности

Иван Сергеевич Аксаков

Еще о лженародности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2624705

Аннотация

«Восхищаться каждым проявлением „русского патриотизма“, умиляться при словах „народ“, „земство“, „православные“, кем бы и когда бы они ни были произнесены, при каждом намеке на древнюю Русь, при каждом внешнем признаке русского национального чувства и нежной симпатии к „русскому мужичку“, приходить в ярый восторг – это, казалось бы, по нашей части!...»

Иван Сергеевич Аксаков

Еще о лженародности

Восхищаться каждым проявлением «русского патриотизма», умиляться при словах «народ», «земство», «православные», кем бы и когда бы они ни были произнесены, при каждом намеке на древнюю Русь, при каждом внешнем признаке русского национального чувства и нежной симпатии к «русскому мужичку», приходиться в ярый восторг – это, казалось бы, по нашей части! Так, по крайней мере, давно порешила за нас публика, и русские карикатуристы не иначе изображают так называемого славянофила, как в образе мужичища с усищами, с бородищей, с кулачищем, в сапожищах, в зипунице, с непременноми атрибутами капусты, шей, кваса и т. п. Поэтому немало были удивлены некоторые наши, впрочем, очень юные демократы, когда увидели, что их русский костюм не возбуждает в нас никакого особенного умиления, и именно потому, что русское платье обращено было ими в какой-то мундир демократизма, вместе с полнейшим неуважением к существенным элементам русской народности. Не менее удивлены были многие и скудостью наших восторгов патриотическими восторгами русского общества. Им казалось странным, что мы не безусловно присоединяемся к тому хору похвал, которым само себя так громко и бесцеремонно тешило и еще не перестает тешить русское обще-

ство... Оно ли не заслуживало полного сочувствия всякого патриота, а тем более тех, кого общество называет славянофилами, – оно ли, которое внезапно так горячо схватилось любить единство и целость Российской Империи, что и Финляндия пошла у него вдруг за одно с Тамбовской губернией, и финский язык, замена которым шведского только что пред этим была, со стороны общества, превознесена похвалами, признан вдруг им неуместным и должен, согласно с новейшим воззрением, замениться, по указу, русским?! А между тем, «День» имел бестактность постоянно напоминать обществу, что, горячась кстати и некстати за внешнее единство, оно не перестает в то же самое время подрывать внутреннюю духовную и нравственную цельность коренной русской земли и с любовью к империи мало соединяет искренней любви к русской народности и народу. «Мудреные люди эти господа, которых зовут у нас славянофилами», подумали многие, особенно в кругу нашего светского общества: «неудобь некая» в уразумении их теорий, и еще пушчая неудобь в практическом исполнении их требований. Никак на них не угодишь, с их понятиями о русской народности! То ли дело другая широкая «удобь» положения!

Другое широкое определение народности! Тут есть место всем чинам и рангам, тут можно и во главе народа постоять, и за народ, от его имени, пошуметь, и либералом прослыть, и получить даже прозвание ультрарусской партии, – и все это, не обязываясь ничем относительно народности, ничего

не лишаясь, ни от чего не отрекаясь, ни даже от англо— или галломании; тут можно, пользуясь выгодами своей патриотической позиции, под общий гул возгласов за единство и цельность и звуки «национального гимна», доставить, пожалуй, торжество и своим теориям о патронатстве над мужиками и патримониальном праве, и своей антипатии к наделению крестьян собственностью, к крестьянской поземельной общине и к крестьянскому самоуправлению, и своим аристократическим тенденциям и тому подобным русским народным началам! Оно и действительно лучше. Прежде русское светское общество имело глупость отрекаться от своей национальности, стыдиться ее пред лицом Европы и тем самым подвергало себя вполне заслуженному презрению европейцев. Теперь же поняли, что несравненно приличнее и выгоднее принадлежать явно к своей народности, что вот и французы открыто исповедуют свою национальность, и англичане — свою; что поэтому и нашему светскому обществу теперь весьма благовременно надеть русские национальные цвета, что теперь это даже *tres comme il faut, tres distingue, sa pose!* Тем более, что это так легко, что это можно выполнить без всяких жертв, без всякой работы духа, покаяния, внутреннего перерождения, всего того, что проповедывает «День» и так называемые славянофилы!

Что же? И это хорошо; хорошо, что хоть внешняя честь оказывается нашим светским обществом русскому имени! Конечно это лучше, чем неуважение, но тем не менее мы

считаем своим долгом обличить и в этом патриотическом движении то, что, по нашему мнению, есть только новый вид лжи, и указать на ее опасность. Прежде всего оговоримся, что мы вовсе не думаем сомневаться в том патриотизме русского общества, который заставляет все его классы без исключения, даже наиболее испорченные подражанием иностранцам, жертвовать жизнью и достоянием в минуту внешней опасности – нашествия или только угрозы врагов. Об этом сомнении не может быть и речи, – но дело в том, что этот внешний патриотизм идет рядом с таким особенным отношением нашего общества к своей народности, которое, обессиливая и разъединяя нас внутри нравственно и духовно, подтачивает самую ту внешнюю силу и целостность, о которых мы так заботимся. Сделав эту оговорку, продолжаем. Было время, когда русские верхние классы, ослепленные блеском, обольщенные соблазном западной цивилизации, исполнившись духа самоотверженного подобоострастия ко всему чужеземному, спешили отречься от своей народности и войти скорее в круг европейской гражданственности: не имея возможности тотчас переродиться, они торопились перерядиться.

Ложь чужой национальности, перенесенной в русскую жизнь, щеголяла открыто во французском кафтане, в напудренном парике, под которыми еще продолжало биться, подчас, чисто русское сердце, продолжал работать русский ум и еще отчасти хранились русские бытовые предания и привыч-

ки. Эту ложь заимствования можно было, так сказать, ткнуть пальцем: ее проявление было грубо, материально и, следовательно, не слишком опасно. Настало другое время, уже более близкое к нам: русские люди (мы разумеем здесь преимущественно верхние классы общества) переродились: противоречие между внешностью и внутренним содержанием исчезло; все пришло в своего рода гармонию, своего рода единство и цельность: цельность отсутствия чего-либо самостоятельного, оригинально творческого, чего-либо русского в понятиях, мыслях, в жизни, в стремлениях; полнейшее духовное лакейство пред Европою; на народность не слышалось и запроса, – и это в то самое время, как политическое восстание России наиболее льстило нашему социально-политическому самолюбию и породило тот внешний политический патриотизм, который надолго заслони́л в сознании общества все другие требования народного духа! Но возникшее одновременно с реформою Петра и ею возбужденное сознание не дремало; оно подавало свой голос, обличительный и протестующий, в отдельных личностях, которые, как одинокие часовые, стоят в пространстве исторического времени, сперва на значительных друг от друга расстояниях, а потом все чаще и чаще. Протест за правду жизни и за право народности совершался преимущественно в литературе. Сначала еще не довольно ясный или выражавшийся более в отрицательном отношении к жизни, например, в сочинениях Болтина, Фонвизина, Грибоедова и Гоголя, он наконец выступил как ясно

сознанное направление, выработался как целое положительное учение. Деятельность этого направления не осталась и не остается бесплодной: его неудобные протесты нарушали духовный и нравственный комфорт светского общества, успокоившегося на лжи. . . В то же время и история не переставала вразумлять нас красноречием внешних фактов. Освобождение крестьян сняло с русской жизни то позорное клеймо, которое мешало ей до сих пор смотреть прямо в глаза остальному человечеству. Предъявился запрос на народность.

Под воздействием этих-то, отовсюду предъявленных запросов, – бессильное отвечать на них полной жизненной истиной – вступает теперь наше общество в третий фазис лжи: сначала перерядившееся, потом переродившееся и выродившееся, оно, оставаясь таким же не русским, не народным по духу, переряживается теперь снова – уже в русское платье. Мы разумеем здесь платье не в буквальном, а в переносном смысле. Является лженародность. Национальность русская, понятая чисто внешним образом, и даже не понятая, а только перенятая, прикрывает собою ложь внутреннего содержания. Будем надеяться, что со временем совершится окончательное перерождение русских по крови – в русских по духу, но до сих пор в большинстве нашего общества, особенно светского, это еще не более как маскарад, – переряжение, потому особенно вредное, что производит путаницу понятий, туманит глаза, обольщает призраком народности, успокаивает пробудившуюся было в обществе национальную со-

весть, – мешает отличить правду от лжи и истинные народные начала от псевдонародных.

Нам случилось присутствовать при горячем обмене мыслей, хотя и неравномерно распределенном, и слышать в цельном изложении такие тенденции и теории, которые прежде мы могли только предполагать и угадывать по отдельным намекам, по статьям, рассеянным в газетах и брошюрах, например – теории о дворянстве и аристократии на русской почве; слышать даже слова, так еще недавно не имевшие никаких прав гражданства в нашем обществе: «земля», «земщина», «земство» и пр. т. п. говорилось о народе, об народе, от имени народа. Не говорилось только об одном: о народности и интересах народа, то есть той части народа, которая по преимуществу носит это название и достойна этого названия. Недоставало во всем этом только одного: живого, искреннего чувства и разумения народности. Либерализма было в расходе много: не предъявлялось спроса только на народность... «Вы должны бы радоваться», – говорили нам; «вы слышите слова, дорогие вашему слуху, дорогие людям того направления, органами которого, между прочим, служат „Московские Сборники“, „Русская Беседа“, „Парус“, „День“, которое первое пустило их в оборот общественно-го сознания, первое напомнило о них забывшему их обществу». – «Действительно, – отвечали мы, – эти слова нам дороги, но именно потому, что они нам истинно дороги, что они для нас не слова только, а понятия, или, вернее сказать,

целый порядок понятий, вам совершенно чуждых, мы не тешимся провозглашением их всеу. Вы опорожнили эти слова от их важного, древнего, исторического, заветного для народа смысла и вложили в них другое, несродное им содержание, какую-то странную начинку, какой-то фарш из доморощенной, французской и английской дичи. Ваше „земство“ и „земщина“ не родным чем-либо звучат народу, а как the zemstvo, la zemchtina!». В самом деле, внутреннее противоречие содержания с внешнею формою уже и теперь сказалось отчасти, – не замедлит сказаться в них и вполне. Пусть попробуют эти господа (лично достойные, впрочем, всякого уважения) подумать, например, хоть в области теории, о земском соборе, и у них тотчас же выскочит из него или палата пэров, или две камеры, или что-нибудь такое, что так же отлично от идеи земского собора, как англо-французская народность от русской, что противно всем основным требованиям истории и духа русского народа, от имени которого они имеют смелость или наивность вещать, во главе которого они имеют, еще ничем не оправданное, притязание стоять и величаться! Они прикрывают, правда, свою нерусскую сущность русским зипуном, заимствовав даже покрой у XVII века, но что толку в том, когда из-под распахнувшихся пол торчит английский лорд, или даже не лорд, а пересадок английского аристократизма на русскую почву, или французская государственность? Они толкуют о соединении с народом, или даже не о соединении, а об единстве с ним, как

о совершившемся и существующем факте, не признавая за собою никакого греха, никакой вины относительно русской народности, не ведая, или вернее – упорствуя не ведать той, не столько социальной, сколько нравственной бездны, которая разделяет их от народа и всей области народного духа!.. Они даже и о крепостном праве забыли: это и понятно, не они от него терпели; но если бы это право было для них истинно так ужасно, как некоторые из них восклицали, они бы об нем не забыли, они бы продолжали тяготиться этим двухвековым нашим грехом, они бы не разделались так легко и комфортабельно с покаянием, они продолжали бы себя считать в нравственном долгу пред народом. Если бы даже народ и действительно забыл про тяжкие годы крепостного права, про сделанное ему зло, то нам про это забывать еще рано. Но, впрочем, мы и не забыли: дух крепостничества живуч в нас и сквозит во все щели нашего либерализма! В самом деле, что слышится, какие ноты преобладают, громче и сильнее всех раздаются в этом либеральном хоре? Что было высказано и не возбуждало протеста? Неуважение к русскому народу, опасения по поводу развития народных начал, проповедь о пользе сосредоточения поземельной собственности в руках немногих, о привилегированности одного сословия в ущерб другим, ненависть к самой древней и наинароднейшей форме поземельного владения в русской земле – общинной... наводились подозрения на все и на всех, кто за народ и народность!.. «Консервативный элемент только в

дворянстве, – говорят эти господа, – а не в народе, который теперь потому только не проявляет своих диких инстинктов, что он удовлетворен покуда наделом земли и разными льготами. . . ». И с такой клеветой на народ, с такою дерзостью самодовольства, мы решаемся считать себя представителями народных интересов! Прекрасное, святое право – говорить «правду»; ничего не может быть желаннее этого давно желанного права, но надо знать правду, надо разуместь правду, надо уважать ее, – а в этих речах не правда, а ложь. Консервативный элемент в высших классах! Не видать бы нам ни Украины, ни Белоруссии, не хвалиться бы нам теперь своим народным единством с ними, если б сохранение народности было поручено одному охранительному элементу высших образованных классов. Кто изменил народности и вере в Западнорусском крае? Единственно западнорусские высшие классы, только одни они, не больше, они и ополячились и окатоличились. Кто погубил Польшу и судьбы польского народа?

«Консервативный общественный элемент», то есть польское дворянство, магнаты и шляхта. Кто у нас первый разрушил цельность общей народной жизни, подорвал органическую силу народного творчества, кто отрекся от своей народности, от своих исторических и бытовых преданий, от духовного единства с народом, кто обезьянничал изо всех сил, кто раболепствовал иностранцам, кто искажил нашу жизнь чужеземными формами, кто налагал на русский народ чужие

законы развития, кто по очереди был то немцем, то французом, то англичанином, то тем и другим и третьим вместе, кто вертелся как флюгер, по дуновению всех западноевропейских социальных и политических теорий, – кто, как не мы, как не высшие образованные классы? Что было бы с Россией, если б не было у нее устоя в русском народе! Вообразите себе только, что народ мягок как воск и в состоянии воспринимать все те формы, какие угодно было бы напечатлеть на него нашему обществу. Вспомним все фазисы, чрез которые прошло развитие нашей общественной мысли, и поблагодарим Бога, что у нас есть простой народ, есть такое зерно, которого не удалось нам раздробить молотом дворянской заемной цивилизации. Это зерно сберегает в себе всю сущность нашего народного духа, нашего народного я, нашей национальной личности, всего того, почему Россия – Россия. В нем, в этом зерне, наша сила и спасение, в нем, в его органическом развитии наша будущность, а нам предлагают, вместо этого зерна, возложить свои надежды на невызревший плод этого зерна, наши высшие образованные классы!.. Невольно вспомнишь про басню Крылова: «Листы и Корни»... Что такое охранительный элемент? Это элемент крепости основных существенных начал народного бытия, охранение их развития и существования. Кто же сберегает в себе начала народности, начала гражданского и религиозного существования русского народа, русской земли, кем по преимуществу охраняются народность и вера неприкосновенными? Кто как

не народ, кем как не народом? Ни в каком случае не мы, и не нами. Слава Богу, повторим еще раз, что народ наш так неподатлив, так недоверчив, так упрям, так упорен, так тяжел на подъем, что все усилия переряженных и выродившихся русских людей из «образованного класса» разбиваются о его неподвижность. Это такой *morceau de resistance*, которым могут легко подавиться петиметры, немцы и лорды русского происхождения. И люди, предлагающие нам нерусское *нововведение*, например, английский строй жизни, наивно уверяют нас, что они-то и представляют собою элемент охранительный!! Чего, впрочем? Застоя духовного и нравственного? Может быть. Но какого застоя, застоявшегося на какой точке? Основы политического строя и православия хранит народ понадежнее их. Древние формы русской исторической жизни им неведомы и нисколько не сочувственны. Что же, спрашивается, будут они охранять? Какой строй жизни, какой порядок, какие идеалы? Табель о рангах? Или же занесенные в нашу жизнь принципы чужого социального устройства? С какого же именно времени, какие именно?!

Но разрыва с народом никакого нет, говорят нам, нет фактов этого разрыва, нет доказательств недоверия со стороны народа, а потому и хлопотать о приобретении этого доверия нечего. Нет разрыва, нет недоверия! Но не говоря уже о тех печальных фактах, о которых засвидетельствует каждый мировой посредник, разве не убеждаемся мы в этом разрыве с народностью на всем строе нашей общественной жизни,

ежедневно и ежечасно, – на самой литературе нашей, так мало сочувственной народу, так разноречащей с его основными началами? Разве не уличает нас в том эта же наша собственная галломания и англomanия? Разве не громко вопиет об этом разрыве и недоверии отношение нашего народа к нашему просвещению, нашим учреждениям, нашей цивилизации, веющей чуждым для него духом?.. Разве, наконец, не чувствуем мы сами на себе действие этого разрыва, разве не сказывается он на каждом шагу в беспочвенности, в бесплодности и несамостоятельности нашей науки, в скудости органического творчества жизни, в безуспешности всяких наших созиданий со времен реформы Петра? Вся история после этой реформы есть история разрыва, вся она красноречиво свидетельствует о том бессилии, которым запечатлены действия среды, разорвавшей духовный союз с народностью и народом. Это бессилие было столько раз указываемо нами на страницах «Дня», что мы считаем излишним более о нем распространяться. Бессилие – есть теперь, к несчастью, девиз русского высшего образованного класса как «класса». Ему надо стать силой, если он хочет действовать на пользу России, – силой нравственной, силой общественной.

Этой силой он и может стать, но только тогда, когда, признав факт духовного своего разрыва с народом, своего отчуждения от народности, он постарается, прежде всего, загладить свои вины, заслужить доверие народа, – а заслужить его можно не словами, а на деле только, – и не личным са-

мовосхвалением, а личным самоотвержением на работе народному благу, взойдя с народом в общение нравственное и духовное. Сила общества только в том, чтоб быть верным носителем и выразителем народной мысли, совершать работу народного самосознания. Без этой силы бессильны сами по себе и народные массы, которым недостает сознательности, и общество, которому недостает живого питания корней: обе эти среды останавливаются в своем развитии; цельность и правильность отправлений всего народного организма и кровообращения в нем расстраивается. Что же нужно? Нужно, чтоб наша общественная среда, наши образованные классы сделались верным выражением народного самосознания; только тогда и явится могущество цельной жизни; а каким же выражением народного самосознания могут они быть, когда они или презирают народность, или величаво игнорируют ее права, ее запросы, или же только прикрывают народную внешностью свои ненародные тенденции?

Наш высший класс изолирован между правительством и народом, говорят нам; этого надо избежать чрез соединение с народом. Но этого-то мы и желаем; только желаем соединения искреннего, а не величавого снисхождения, желаем, чтобы соединение с народом и возрождение чувства не патристического собственно, а чувства народности предшествовало всяким прочим затеям, которые могли бы только, по недостатку доверия к нам народа, еще пуще заподозрить нас в его глазах и сделать наше положение еще более изолирован-

ным. А в какой степени можно верить в искренность тех, которые говорят о соединении, как о совершившемся факте, – в этом легко убедиться: стоит только прослушать хвалебные себе речи нашего образованного «класса», его толки о русском народе, его притязания на опекунство, консерватизм и привилегированность положения!

Пусть же оставят народ в покое эти непризванные опекуны! Пусть не мешают ему в его медленном жизненном подъеме, не кладут ему новых преград на его трудном пути, не налагают на русскую почву новый слой лжи и всякого хлама. Ему нужно одно: свободы жизни, свободы совести и слова, свободы внутреннего духовного развития. Пусть отойдут от него прочь лицемеры и фарисеи народности, которые, под видом народности, хотят привить к могучему дереву народной жизни свои узкие теории, взлелеянные не на нашей земле и не под нашим солнцем, и навязать ему, во имя свободы, тесноту западного социального устройства! Они могут говорить от имени нации, могут создать внешний вид народной политической организации, но это будет лженарод, как и лженародность: народ будет не с ними...